

x

ПРАВО НА РЕЛИГИОЗНУЮ ТАЙНУ В КОНТЕКСТЕ

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ГАРАНТИРОВАНИЯ

СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

А.В. ПЧЕЛИНЦЕВ

Пчелинцев Анатолий Васильевич, главный редактор журнала "Религия и право", профессор РГГУ, кандидат юридических наук.

Статья содержит анализ правовой природы религиозной тайны и ее видов в условиях реализации свободы вероисповедания. Обосновывается возможность ее ограничения в строго определенных случаях.

Ключевые слова: частная жизнь; свобода вероисповедания; религиозная тайна; тайна исповеди; гарантирование свободы вероисповедания.

The right to religious secrecy in the context of constitutional law guaranteeing freedom of religion

A.V. Pchelincev

This article contains the analyses of the legal nature of the religious Secrecy and its types in the Term of realization of Freedom of Belief. The article bases the possibility of limitations of

religious Secrecy in strictly defined Cases.

Key words: privacy; freedom of religion; religious secrecy; seal of confession; guarantee of religious secrecy.

Одним из первых в современной юридической науке вопрос о праве на религиозную тайну поднял профессор И.Л. Петрухин, который высказал мнение о целесообразности выделения двух видов религиозных тайн: "Тайна верующего, его право скрывать свою принадлежность к религии вообще и к отдельным вероучениям в частности и тайна, доверенная священнику, которую он не должен разглашать" <1>. В основу данного деления, как видим, автором положен субъектный критерий. Такой подход позволяет классифицировать религиозные тайны на личную и профессиональную тайны.

<1> Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). М.: Институт государства и права РАН, 1998. С. 220.

На наш взгляд, личной религиозной тайной являются сведения, связанные с принадлежностью физического лица к той или иной религии (конфессии) и реализацией им религиозных прав. Именно религиозная самоидентификация личности в разные исторические периоды отечественной истории являлась одним из наиболее распространенных поводов к ее дискриминации. Достаточно вспомнить судьбу старообрядцев, духоборов, молокан, штундистов и последователей других религиозных течений, которые подвергались жестоким гонениям в царской России со стороны как государства, так и господствующей церкви. Вследствие такой вероисповедальной политики многие верующие вынуждены были уходить в скиты, жить на окраинах царской империи либо эмигрировать из России.

Гонения со стороны государства продолжились и в советское время, но теперь и в отношении православных верующих. За веру в Бога десятки тысяч соотечественников, включая священнослужителей, подверглись массовым репрессиям. Казалось бы, все это кануло в Лету. Однако факты дискриминации по признаку отношения к религии нередко встречаются и в наши дни. Вот почему право на личную религиозную тайну остается

одной из важнейших гарантий свободы вероисповедания.

Это право, на наш взгляд, включает комплекс обязывающих и запретительных норм, которые гарантируют конфиденциальность и неприкосновенность религиозной жизни человека и гражданина. Сюда входят:

- запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о религиозной принадлежности верующего без его согласия, включая недопустимость отражения в личных и служебных документах указания на его религиозную принадлежность;
- конфиденциальность сведений о личных пожертвованиях в пользу того или иного религиозного объединения без огласки как самого факта пожертвования, так и размера пожертвования;
- запрет на распространение информации, содержащейся в проповеди и молитве, произнесенных в среде единоверцев и содержащей информацию о частной жизни членов и иных участников данного религиозного объединения;
- недопустимость фото- и видеосъемки в культовых зданиях во время богослужений без предварительного согласия священнослужителя.

Правовые гарантии личной религиозной тайны содержатся прежде всего в Конституции Российской Федерации, а также в федеральных законах. Так, ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации гласит, что "каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну...". Часть 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации развивает это положение запретом "на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия", а ч. 3 ст. 29 констатирует, что "никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них".

Названные конституционные положения получили развитие в ч. 5 ст. 3 Федерального

закона от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях", которая гласит, что "никто не обязан сообщать о своем отношении к религии" <2>. Гарантии прав личности на тайну принадлежности к вероисповеданию нашли развитие и в других законах. Так, п. 2 ст. 41.2 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации" <3> запрещает сбор и внесение в личное дело сведений о религиозной принадлежности прокурорского работника. Аналогичный запрет содержится и в п. 2 ст. 24 Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 114-ФЗ "О службе в таможенных органах Российской Федерации" по отношению к сотрудникам таможенных органов <4>.

<2> СЗ РФ. 1997. N 39. Ст. 4465.

<3> СЗ РФ. 1995. N 47. Ст. 4472.

<4> СЗ РФ. 1997. N 30. Ст. 3586.

Требование о личной религиозной тайне и невмешательстве в религиозную жизнь граждан в первую очередь распространяется на органы исполнительной власти и правоохранительные органы, которые осуществляют контроль и надзор за уставной деятельностью религиозных объединений. К сожалению, на практике должностные лица органов юстиции во время выполнения контрольных функций иногда выходят за рамки предмета проверки и выдвигают недопустимые требования по представлению информации о частной жизни верующих. Например, представить списки членов религиозных организаций с указанием Ф.И.О., гражданства, даты рождения и адреса проживания, а в ряде случаев и фотографии священнослужителей. Данные требования являются очевидным вторжением в частную жизнь верующих граждан. Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2006 г. N 152-ФЗ "О персональных данных" <5> подобная информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу, относится к персональным данным.

<5> СЗ РФ. 2006. N 31 (ч. 1). Ст. 3451.

В соответствии с п. 1 ст. 6 и п. 4 ст. 9 указанного Закона обработка персональных данных может осуществляться оператором только с согласия в письменной форме субъекта персональных данных. Лица, получающие доступ к персональным данным, должны обеспечивать конфиденциальность таких данных. Более того, п. 1 ст. 10 Федерального закона "О персональных данных" относит информацию о религиозной принадлежности к специальной категории персональных данных, обработка которых не допускается.

Таким образом, требования контролирующих органов о предоставлении искомой информации являются вмешательством во внутреннюю деятельность религиозных объединений и частную жизнь верующих граждан, что является нарушением действующего законодательства. На это обращает внимание и Европейский суд по правам человека, который прямо указывает на недопустимость вмешательства государства в частную сферу свободы совести человека с целью раскрытия его религиозных убеждений <6>.

<6> Александридис против Греции (Alexandridis v. Greece). N 19516/06. 21 февраля 2008 г. Цит. по: Маранов Р.В. Практика Европейского суда по правам человека по делам о свободе совести. М., 2009. С. 108.

В то же время, когда государство, гарантируя право на свободу вероисповедания, предусматривает освобождение верующих от исполнения каких-либо обязанностей, оно вправе требовать от гражданина раскрытия своих религиозных и иных убеждений и/или принадлежность к той или иной религии.

Так, в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 113-ФЗ "Об альтернативной гражданской службе" <7> граждане, изъявившие желание заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской службой, должны обосновать,

что несение военной службы противоречит их убеждениям или вероисповеданию. Согласно Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 г. обращенное к призывнику требование обосновать наличие убеждений и вероисповедания, препятствующих прохождению военной службы, не является нарушением свободы совести и указанного выше запрета. Такой вывод вытекает из того, что процесс обоснования наличия убеждений вызван не принуждением гражданина, а его собственной инициативой - заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской службой <8>.

<7> СЗ РФ. 2002. N 30. С. 3030.

<8> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. N 447-О "По жалобам граждан Жидкова Михаила Александровича и Пильникова Олега Сергеевича на нарушение их конституционных прав статьей 11 Федерального закона "Об альтернативной гражданской службе" // Информационно-правовая система "КонсультантПлюс".

Также вопрос о раскрытии религиозных убеждений возникал на практике по отношению к последователям Церкви адвентистов седьмого дня, когда ставился вопрос об освобождении школьников и студентов от занятий по субботам.

Таким образом, мы видим, что Конституция Российской Федерации, федеральные законы гарантируют личную религиозную тайну и предусматривают ее раскрытие в определенных случаях по инициативе самого гражданина.

Другим видом религиозной тайны является профессиональная тайна, к которой относится тайна исповеди. Как покаяние в грехах исповедь присутствует в ряде религий. Наибольшее распространение исповедь как одно из важнейших религиозных таинств получила в христианстве. Похожий, но не идентичный институт религиозной жизни имеется также в других авраамических религиях <9> - иудаизме и исламе, где данный духовный акт носит название виддуй и тауба.

<9> Авраамические религии - монотеистические религии, происходящие из древней традиции, восходящей к патриарху семитских племен Аврааму. Все авраамические религии в той или иной степени признают Священные Писания Ветхого Завета. К авраамическим религиям относятся: иудаизм, христианство, ислам, караизм, бахаи.

Поскольку исповедь предполагает доверительный характер отношений между священнослужителем и верующей личностью, то неизбежным качественным признаком исповеди является ее тайна. Не может быть доверия к священнослужителю без уверенности в сохранении им профессиональной тайны. Именно конфиденциальность общения священнослужителя с духовными чадами является одной из гарантий свободы вероисповедания. Не случайно в соответствии с п. 7 ст. 3 Федерального закона о свободе совести и о религиозных объединениях "тайна исповеди охраняется законом, а священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди". Это требование конкретизировано в уголовном и гражданском процессуальном законодательстве. Так, согласно п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ священнослужитель не может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Похожая норма содержится и в п. 3 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ.

Дополнительные гарантии тайны исповеди содержатся также во внутренних установлениях самих религиозных объединений и канонических нормах права, которые обязывают священнослужителей избегать действий, злоупотребляющих доверием, поскольку это несовместимо с их духовным статусом. Например, согласно Правилу 120-му Номоканона при Требнике 1662 г., который является действующим актом, православный священник не может нарушить тайну исповеди ни при каких обстоятельствах. За открытие греха исповедующегося духовный отец запрещается на три года в служении, и каждый день должен класть сто поклонов <10>.

<10> URL: www.azbyka.ru/dictionary/18/tayna_ispovedi.shtml.

Канонические предписания католической церкви также содержат строгие правила по этому поводу. Так, каноны 983 и 984 Кодекса канонического права католической церкви гласят, что "тайна исповеди нерушима; поэтому духовнику строжайшим образом запрещается выдавать кающегося словами или каким-либо иным способом и по какой бы то ни было причине. Хранить тайну обязан также и переводчик, если таковой наличествовал, и все прочие лица, тем или иным образом узнавшие о грехах из исповеди" <11>.

<11> Кодекс канонического права. Codex Iuris Canonici. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2007.

Однако канонические правила в истории нашего Отечества не всегда соблюдались, а сама тайна исповеди не всегда была абсолютной. В строго определенных случаях допускались исключения. Так, несмотря на то что в принятом в 1721 г. Духовном регламенте предусматривалось весьма строгое наказание за открытие тайны исповеди, в то же время разрешалось ее разглашение по отношению к тем, кто замышляет государственное преступление. Духовный регламент обязывал священнослужителей раскрывать тайну исповеди, если злоумышленники, "объявляя намеряемое зло, покажут себя, что не раскаиваются, но ставят себе в истину и намерения своего не отлагая, не яко грех исповедуют" <12>. Согласно Полному православному богословскому энциклопедическому словарю начала XX в.: "Ныне все сказанное на исповеди сохраняется в тайне, за исключением таких случаев, когда сокрытие грозит опасностью монарху, императорскому дому или государству" <13>.

<12> Регламент или Устав Духовной коллегии, изданный 25 января 1721 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Т. VI. N 3718. СПб., 1899.

<13> Тайна исповеди // Полный православный богословский энциклопедический

словарь. CD-версия: "Богословская энциклопедия". М.: Directmedia Publishing, 2005. С. 8760.

Очевидно, законодатель того времени исходил из того, что священнослужитель не только теоретически, но и практически мог стать обладателем конфиденциальных сведений о готовящемся государственном преступлении <14>.

<14> URL: [http:// ru.wikipedia.org/ wiki/ %D0%98%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%8C](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%8C)- cite_note- I1.

Закономерен вопрос: обязан ли в современных условиях священнослужитель вопреки воле доверителя использовать полученные сведения для предотвращения преступления или он в любом случае должен сохранять их в тайне? Если не обязан, то не противоречит ли право на тайну исповеди священнослужителя его гражданскому долгу служения земному отечеству? Какой нравственный выбор должен сделать священнослужитель в непростой жизненной ситуации, когда возникает конфликт интересов между его духовным (профессиональным) и гражданским долгом?

Данная проблема особенно актуальна в нынешних условиях, когда, к сожалению, уровень тяжких и особо тяжких преступлений против личности и общественной безопасности остается на высоком уровне. В самом деле, если бы священнослужитель имел возможность предотвратить тяжкое преступление, влекущее гибель людей, но не сделал этого, ссылаясь на тайну исповеди, то, наверное, гражданская совесть верующих граждан взывала бы против абсолютизации такой тайны. Видимо, не случайно в современных социальных учениях и позициях крупнейших российских конфессий содержится призыв о необходимости быть законопослушными гражданами земного отечества, следовать государственным законам, а право на жизнь рассматривается как священный дар.

Исходя из сказанного, считаем, что в строго определенных случаях отказ священнослужителя от обязанности сохранения профессиональной тайны в современных условиях допустим и оправдан. Такие случаи являются исключительными,

когда священнослужитель узнает о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении против личности либо общественной безопасности. При этом вопрос о том, следует ли священнослужителю в этой ситуации доносить на покаявшегося человека и связанных с ним лиц, может решаться только в плоскости признания за священнослужителем его права на разглашение тайны. Моральный долг священнослужителя по предотвращению готовящегося преступления ни в коем случае не может быть превращен в его юридическую обязанность. Следовательно, данное требование должно быть зафиксировано не в нормах светского права, а во внутренних (канонических) установлениях и нормах этики самих религиозных организаций. Именно по такому пути пошла Русская православная церковь. В Основах социальной концепции РПЦ (раздел IX) содержатся достаточно подробные предписания к поведению священнослужителя при возникновении подобной ситуации. "Даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не может нарушать тайну исповеди, - говорится в Основах. - Священнослужитель призван проявлять особую пастырскую чуткость в случаях, когда на исповеди ему становится известно о готовящемся преступлении. Без исключений и при любых обстоятельствах свято сохраняя тайну исповеди, пастырь одновременно обязан предпринять все возможные усилия для того, чтобы преступный умысел не осуществился. В первую очередь это касается опасности человекоубийства, особенно массовых жертв, возможных в случае совершения террористического акта или исполнения преступного приказа во время войны. Помня об одинаковой ценности души потенциального преступника и намеченной им жертвы, священнослужитель должен призвать исповедуемого к истинному покаянию, то есть к отречению от злого намерения. Если этот призыв не возымеет действия, пастырь может, заботясь о сохранности тайны имени исповедующегося и других обстоятельств, способных открыть его личность, предупредить тех, чьей жизни угрожает опасность. В трудных случаях священнослужителю надлежит обращаться к епархиальному архиерею" <15>.

<15> Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень. Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. 2000. N 8. С. 52 - 53.

Такая взвешенная и социально ответственная рекомендация, на наш взгляд, ни в коей мере не подрывает духовного авторитета церкви и священнослужителей. Очевидно, что и другие крупнейшие централизованные религиозные объединения, вероучения которых предусматривают таинство покаяния, должны пойти по такому же пути, побуждая обратившегося человека к духовному раскаянию и сотрудничеству с правоохранительными органами, за которым должен последовать акт гражданского

повиновения, то, что на юридическом языке называется активным деятельным раскаянием. Ибо по своей природе акт покаяния предполагает не только осознания греха, как преступления перед Богом, но и сознательное оставление греха. Пока же внутренние установления и канонические предписания других конфессий таких предписаний не содержат, хотя в богословских трудах встречаются рекомендации, как себя вести в подобных ситуациях <16>.

<16> См., например: Мюллер Н., Крауз Г. Пасторское богословие. М.: Лютеранское наследие, 1999. С. 81 - 82.

Следует обратить внимание, что в Средние века требования к тайне исповеди были более строгими, нежели в современном мире, и не допускали компромиссов. Однако в последующие века по мере укрепления институтов государственной власти и повышения роли права в жизни общества в различных государствах стали появляться отступления от абсолютизации данного принципа. Очевидно, что в современном мире к факторам, влияющим на ситуацию в данном вопросе, добавляются повышенные требования к общественной безопасности, в том числе от потенциальных угроз терроризма и иных тяжких преступлений против личности.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в последние годы похожие предложения по ограничению режима сохранения тайны выдвигаются и по отношению к иным типологически сходным видам профессиональной тайны. Например, авторитетные исследователи предлагают не включать в предмет профессиональной тайны адвоката сведения о готовящемся тяжком и особо тяжком преступлении <17>.

<17> Пилипенко Ю.С. Адвокатская тайна: теория и практика реализации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 30; Бойков А. Нужно действовать в интересах права // Новая адвокатская газета. 2010. N 1(66). С. 7.

Сказанное ставит на повестку также ряд смежных вопросов, которые нуждаются в правовом разрешении. Во-первых, как мы видим, в законодательстве в контексте тайны исповеди говорится о священнослужителях. Однако ни Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях", ни иные законодательные акты не раскрывают это понятие. В разных религиях существует множество духовных званий и должностей служителей культа, которые не всегда могут претендовать на статус священнослужителя, а следовательно, не все они могут являться носителями тайны исповеди. Во-вторых, нуждается в юридических уточнениях и само понятие исповеди. Очевидно, что не всякая доверенная тайна подпадает под это понятие. Например, согласно Новому Завету христианину следует открывать свои грехи также и перед ближним: "Признавайтесь друг перед другом в проступках..." (Послание Иакова, гл. 5, стих 16). Однако такое признание не является исповедью в каноническом понимании. Для этого необходимо учитывать ряд формальных признаков - статус доверителя тайны и доверенного лица, место, время, цель и иные обстоятельства, которые характеризуют данный акт именно как исповедь. В-третьих, необходимо исходить из того, что срок хранения тайны исповеди не ограничен во времени. На наш взгляд, все эти вопросы должны найти отражение в действующем законодательстве о свободе совести и о религиозных объединениях.

Итак, мы видим, что канонические предписания крупнейшей российской конфессии - Русской православной церкви с известной долей осторожности и в порядке исключения допускают возможность раскрытия тайны исповеди в строго определенных случаях. Авторитетные современные богословы других конфессий также допускают такую возможность. Почему же светский законодатель должен ограничивать волю священнослужителя, если он стремится выполнить свой гражданский долг? Сказанное логически подводит нас к выводу, что законодательство не должно быть столь категоричным по отношению к тайне исповеди. Именно за священнослужителем остается право принять предписанные внутренними установлениями меры для предотвращения тяжкого или особо тяжкого преступления, о которых ему стало известно из исповеди. Государство не должно себя ограничивать в вопросе о возможности допроса священнослужителя в качестве свидетеля, если в особых случаях, не нарушая канонических предписаний, он готов это сделать добровольно.

Таким образом, не абсолютный, а относительно абсолютный характер права на тайну исповеди будет наиболее полно соответствовать принципу социальной ответственности, когда речь идет о таких фундаментальных ценностях, как жизнь человека и безопасность общества.

В заключение следует подчеркнуть, что в целом институт религиозной тайны как важной гарантии свободы вероисповедания еще слабо изучен в отечественной

юридической науке и ждет дальнейших исследований.